

История «утильки»

УГОЛОК РОССИИ

Всероссийская краеведческая олимпиада школьников, которая проводится в рамках туристско-краеведческого движения «Отечество», на завершающем туре в Москве минувшей осенью принесла первое и второе место среди работ гуманитарного направления учащимся Мокеевской средней школы Ярославского района.

Оба занимаются под научным руководством Дмитрия Валерьевича Колчина, заместителя директора по учебно-воспитательной работе — одного из лучших учителей России, премированного по национальному проекту.

Марина Рогач из 10-го класса представила доклад «Деревня Приволье: история и современность» — у нее первое место в секции «Летопись родного края». Второе — по «Этнографии» у Саши Зелинского из 9-го класса, он изучал мельницы. Кроме презентации своих работ на олимпиаде (в отличие от конкурса, который проводит «Отечество») школьники выполняют ряд заданий: отвечают на вопросы краеведческой викторины, атрибуцируют музейные экспонаты, пишут эссе. Марина и Саша с этим тоже хорошо справились.

При подведении итогов жюри особенно внимательно относится к степени самостоятельности ученика в подготовке темы. И тут мокеевские были на высоте. В результате Марина получила 96 баллов из 100 возможных.

Ее доклад «Деревня Приволье: история и современность» продолжил серию исследований бывших дворянских и купеческих усадеб Салтыковых, Яковлевых, Варенцовых, Вахрамеевых, которые ведет Мокеевская школа в окрестностях. Увы, домов не осталось — только аллеи, пруды и архивные документы. Дача Кузнецовой — единственное сохранившееся здание.

Судьбы дореволюционной недвижимости на удивление однообразны. Ах, как она была нужна угнетенному классу! И вот он ее заполучил. Ну так будь счастлив, гегемон. Не получается. В архиве полно описей имущества, которое вывозили из усадеб для пролетариата. Где оно теперь, прежде по сто лет служившее хозяевам? Исчезло. Дома использовали под общежития колхозников, клубы, детские приюты. Они

горели, ветшали, разрушались.

Дачу Раисы Вахрамеевой на Крутицах во время Великой Отечественной войны переоборудовали под госпиталь, после — в лечебницу. Она продержалась

хангельской или Вологодской, в основе двухэтажного деревянного здания — типичный пятистенок. Но его переделали в стиле модерн: окна, башни, балкон. Там даже зал для танцев был — из него по описи, составленной революционными властями, извлекли аж 40 плетеных стульев.

Как поступать с имуществом после национализации, пролетариат не знал. До 1929 года дом пустовал. Сторож, к нему приставленный, писал жалобы, что не справляется с мародерами. Наконец там по-

питомник охотничьих собак, заведенный неподалеку после войны, развалился в девяностые годы. От мельницы, принадлежащей Кузнецовым, остались одни столбы. Вот и вся история.

Однако ею вдохновилось московское жюри олимпиады. И не только. Заинтересовались ярославские краеведы. Работу Марины напечатают в сборнике. Материалы поступят в музей Мокеевской школы (здесь их, кстати, три: истории Ярославского края, боевой славы и этнографический).

фото Дмитрия КОЛЧИНА.

лась дольше других, сгорела в 1971 году. Говорили, подожгла шантрапа с Красного Перекопа.

Которые Кузнецовы были владельцами дома в Приволье (название это появилось в конце 60-х годов прошлого века, а прежде место так и называлось — дача Кузнецовой), выяснить не удалось. В Ярославском крае фамилия встречается и в купеческой, и в дворянской среде. Кондитерская фабрика, фарфоровый завод принадлежали Кузнецовым. В селе Высоком — семейное захоронение Кузнецовых. Есть ли между ними связь — тема будущего поиска. Пока — одна только легенда: заботливый отец выстроил дом в сосновом лесу дочери Елизавете, больной туберкулезом. Сруб явно перевезен из северных губерний — Ар-

селили артель «12 лет Октября» — в просторечии «утильку». Она занималась переработкой утиля: собирала ветошь и набивала матрасы для ярославской ваточной фабрики. Продержалась до 50-х годов. Закрыли, потому что порядочной дороги до бывшей дачи не было и даже при социализме глупо вывозить матрасы из глуши. У старожилов, которых Марина Рогач расспрашивала в окрестностях, об «утилке» остались тягостные воспоминания. «Нашли о чем, — говорили они. — Там такой был народ...»

Дача горела, часть ее обвалилась. Потомки артельщиков — дети, внуки — навещают это место ради огородов, заведенных поблизости. В их отсутствие домом пользуются божьи. И в окрестностях неладно.

Дмитрий Валерьевич Колчин о ценности сюжета с дачей Кузнецовой сказал: надо сохранять память. Добавим: всякую, не только о хорошем. Тут, в глухом углу, в «утилке», обозначилась ирония жизни и ее смысл.

«Укажите мне край, где светло от лампад, укажите мне место, какое искал, где поют, а не плачут...» — пел Высоцкий. А в ответ: «О таких домах не слышали мы, долго жить впотьмах привыкали мы. Испокону мы в зле да шепоте, под иконами в черной копоти».

Соваться с прозой сюда ни к чему, но сказывается привычка к подстрочникам: среди рекувизированного имущества света не обнаружено. Значит, где он? Ну то-то же.

Ольга ВАСИЛЬЕВА